

HISTORY OF THE EAST
Historiography, source critical studies,
historical research methods
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Историография, источниковедение, методы
исторического исследования

Научная статья

Исторические науки

УДК 1(092) + 28-1 + 297.1 + 82-94

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-2-255-271>

«Послание о жизни» ат-Таухиди. В 2 частях. Часть 1

Перевод с арабского, предисловие и комментарий

Михаила Сергеевича Паленко

Академический колледж «Ахва», Шикмим, Израиль,

m-pal@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0002-5593-0024>

Аннотация. В предисловии дана краткая биографическая справка о жизни арабского философа, писателя и поэта ат-Таухиди, представлен краткий обзор содержания «Послания» (одного из «малых», почти неизвестных, но тем не менее значительных произведений автора), анализируются главные особенности его творческого метода как мастера *адабной* прозы, попытка при помощи него в рамках одного произведения сочетать две крупные традиции, классическую мысль и суфийское мировосприятие. Раскрывается суть творческой и жизненной трагедии философа, пытавшегося объяснить содержание распространявшихся тогда идей и понятий на ином, менее формализованном уровне. Делается вывод об ограниченной функциональности *адабной* литературы, выполнявшей свою задачу на определенном историческом этапе. Раскрывается актуальность произведения в общем плане, в связи с вопросом о неизбежности оперирования образными обобщениями даже в самых высоких проявлениях разума, как в средневековых, так и современных научных парадигмах. «Послание» в двух частях публикуется на русском впервые. По причине большого объема публикация разделена на две части. Здесь после вступительной статьи приведен перевод части первой.

Ключевые слова: *адабная* литература, ат-Таухиди, классическое наследие, суфизм, эпистемология, арабский язык

Для цитирования: Паленко М. С. «Послание о жизни» ат-Таухиди. В 2 частях. Часть 1. *Ориенталистика*. 2025;8(2):255–271. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-2-255-271>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Паленко М. С., 2025

© Ориенталистика, 2025

“Epistle on Life” by al-Tawhidi. In 2 parts. Part 1

Mikhail S. Palenko

(Translation from Arabic language, Introduction and Comments)

Achva Academic College, MP. Shikmim, Israel,

m-pal@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0002-5593-0024>

Abstract. The article deals with one of the minor works by the litterateur Abu Hayyan at-Tawhidi (ca 932–1023) the so-called “Risālat al-Ḥayā(t)” (رسالة الحياة), an almost unknown work of the master. It comprises the translation into Russian (for the first time) accompanied by an Introduction and commentaries. The Introduction offers a short biography of Arabic philosopher, writer and poet at-Tawhidi and a survey of the contents of the Epistle. It also comprises a concise analysis of the main features of al-Tawhidi’s fiction style. The author stresses the at-Tawhidi’s attempt to combine two major Islamic cultural traditions, viz. the Classical thought and the Sufi world outlook. Besides, he outlines the reasons for the medieval Arab author’s personal and artistic tragedy in his endeavor to popularize the main ideas and concepts of that time on another, less formal, level. In conclusion, the author points to the fact that the project of the adab literature could not serve as a universal means in future and was specific only for a certain period in Arab history. Due to the large volume the article has been divided into two parts. Here after the Introduction the translation of Part One follows.

Keywords: *adab* literature, al-Tawhidi, Classics, Sufism, gnoseology, Arabic language

For citation: Palenko M. S. “Epistle on Life” by al-Tawhidi. In 2 parts. Part 1. *Orientalistica*. 2025;8(2):255–271. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-2-255-271> (in Russian).

Предисловие

Абу Хаййан ат-Таухиди (настоящее имя: Али б. Мухаммад (б.) аль-Аббас) Багдадский (ок. 932–1023) — значительная фигура мусульманского Ренессанса конца X — начала XI в., мастер так называемой *адабной* литературы. Свое прозвище (*лақаб*) ат-Таухиди получил либо по причине того, что его отец торговал финиками сорта *ат-тавхид*, либо как представитель *мутазилизма*, которых часто в те времена называли *Ахл аль-’адл ва ат-тавхид* («Поборники справедливости и единобожия»). В средневековой литературе он также известен как «философ среди писателей и писатель среди философов» и «Второй ал-Джахи́з»¹.

¹ О причинах прославления его этими именами см. ниже в предисловии.

Значимые вехи жизненного и творческого пути условно можно разделить на три периода. Первый (963–968) связан с интересом к идее божественного провидения (*'инáййа*) и учению суфиев. В этот же период судьба сводит его с выдающимися учеными (философом 'Абú 'Али Мискавейхом, математиком 'Абú ал-Вафóй ал-Бúзджáни). Последний в дальнейшем поспособствует его сближению с визирем буидских эмиров в Багдаде. В эти же годы ат-Таухиди посещает литературно-философские кружки.

С переездом ат-Таухиди из родного Багдада в Рей (ныне пригород Тегерана) начинается второй период его жизни (968–985). В Рее он стремится заручиться поддержкой философа и мецената, визиря местного буидского эмира 'Абú ал-Фáдла б. ал-'Амíда. Однако найти с ним общего языка ат-Таухиди так и не удалось, и после смерти визиря в 970 г. он возвращается обратно в Багдад, где начинает посещать лекции знаменитого логика и теолога Йáхьи б. 'Ади (ум. 974). В этот период он больше внимания уделяет точным наукам и классической философии. Еще раз отправиться в Рей (уже в 972 г.) его побудило приглашение сына почившего 'Абú ал-Фáдла, 'Абú ал-Фáтха б. ал-'Амíда (казнен в 976 г.). Но и тот визит ничем не увенчался.

Третья попытка (977–980) была самой тяжелой для Абу Хаййана. Визирь, сменивший на посту 'Абú ал-Фáтха, — поэт и библиофил Ас-Сáхиб б. ал-'Аббáд (937–995), не признав литературного дарования ат-Таухиди, заставляет его переписывать свои собственные сочинения. Пять последующих лет (980–985) ознаменовались большим продвижением ат-Таухиди в современных науках. В это время он испытывает огромное влияние со стороны умеренного *мута-зилита* 'Абú Сулаймáна ас-Сиджистáни (ум. 1000). Параллельно (980–983) он работает в построенной тогда в Багдаде больнице (перс. *б́ймáристáн*). После этого ему как нельзя кстати пригодилась его дружба с 'Абú ал-Вафóй — тот сводит его с образованным и толерантным визирем-меценатом 'Ибн Са'дáном, у которого ат-Таухиди служит до его казни в 985 г.

В третий период (985–1023) после потери своего покровителя 'Ибн Са'дáна ат-Таухиди переселяется в Шираз, который станет его последним пристанищем. Там он и похоронен на одном из суфийских кладбищ. Сведения о третьем этапе жизни философа очень скудны.

Идейно трем вышеупомянутым этапам можно соотнести самые крупные и известные труды ат-Таухиди.

Его знакомству с Мискавейхом мы обязаны таким трудом, как «Вопросы и ответы» (реальную его датировку устанавливают позже — между 973 и 980 гг.). Он был составлен как результат переписки с ученым-моралистом и содержит 175 вопросов, адресованных ему. Среди тем преобладают научно-этические (85 вопросов), физико-физиологические (51 вопрос) и теологические. Даже последние рассматриваются через призму позитивного знания, что придает произведению вполне научный характер.

Второй этап жизни писателя вылился в такие труды, как «Багдадское послание» (981) и «Книга улады и развлечения» (984). Первый посвящен всему тому, что происходило с автором во время его непродолжительного визита в Исфахан. Во всем он сравнивает свой родной Багдад с этим городом. Сравнения, конечно же, были не в пользу последнего. Этот труд ценен как под-

линейная энциклопедия жизни тех времен: он изобилует подробностями обо всех сферах жизни — от благовоний и одежды до мелочей домашнего и городского быта. «Книга услады и развлечения» (984) — вершина творчества ат-Таухиди. В ней он, уже будучи подкованным в развивавшихся тогда науках, берется за такие темы, как феномен человеческого бытия, философское сравнение арабской и персидской культур, рассуждает о счете и языке, логике и языке, много внимания уделяет существовавшим тогда учениям о душе, свободе воли, различным сектам. В этом сочинении также отражены размышления автора о классической греческой культуре, идеях «Братьев чистоты», говорится об откровении и разуме, философии и шариате. В последней его части приводятся философские размышления о скупых, «зеркала» для принцев, а завершается труд снова учением о душе. Главная направленность этого текста — сравнить арабскую и греческую культуры с явным стремлением подчинить последнюю первой.

Достоинство завершает свой творческий путь ат-Таухиди таким произведением, как «Божественные указания» (1010). Оно представляет собой собрания обращений к воображаемым суфиям (для получения совета) и проповедей к воображаемым ученикам. Текст также содержит резкие выпады, множество безжалостных порицаний, направленных самому себе, мольбу и сокровенные обращения к Богу (мн. *мунāджāt*). В этом последнем труде ат-Таухиди передает свой трансцендентный опыт общения со Всевышним.

К последнему периоду творчества ат-Таухиди относится и «Послание о жизни» (999), переведенное автором данной статьи. Всего до нас дошло около 15 произведений, известно же около 25. Так получилось из-за того, что философ, разочарованный тем, что его труды не находили должного отклика у современников, сжег рукописи, которые были в его распоряжении и не были переписаны кем-то еще.

Самая ранняя из дошедших до нас копий этого произведения хранится в библиотеке им. Шахйда 'Али в г. Стамбуле под номером 1186. Выполнена не ранее 1565 г. ясным каллиграфическим почерком *фāриси*. В некотором смысле оно напоминает по содержанию другой его труд «Извлеченные знания» [Таухиди, 1951, с. 10], оригинал которого также датируется 999 г. В последнем он сосредоточился на философской составляющей бесед интеллектуальных кружков Багдада в 980–985 гг.

Говоря о творчестве ат-Таухиди в целом, прежде всего следует сказать, что для арабского читателя он ценен как непревзойденный мастер литературного *āḍaba*, уникального полуразвлекательного-полуназидательного эклектического жанра, развивавшегося при Аббасидах. Главной целью его немногочисленных представителей было ознакомление городской молодежи с интеллектуальным багажом окружавших их тогда гигантских культур, таких как персидская, греческая и индийская. Ведь Багдад был гораздо ближе к ним, чем Дамаск. К тому же многие из литературных шедевров этих культур уже были доступны в переводах. Нужно было только быстро и по возможности наиболее понятно донести это до амбициозной молодежи, дабы сделать впоследствии из ее представителей достойных служащих. Так большая часть творчества ат-Таухиди стала попыткой интегрировать интеллектуальный багаж, нако-

пленный ко второй половине X в., уже вполне к этому времени освоенное *классическое* наследие, в ткань арабского языкового мышления, объяснить его при помощи иной системы порождения образов. Почему ему удалось это сделать лучше остальных? В чем «изюминка» его стиля?

«Творивший в смежной между литературой и философией области, ат-Таухиди в своих трудах, написанных в жанре литературного *адаба*, смог не только передать весь культурный материал того времени, но, оправдывая данное ему двумя столетиями позже определение "*философа среди литераторов и литератора среди философов*", "погрузить" этот материал в аутентичную среду арабского языка, отразив новые перспективы его философского осмысления... Чувственный и всегда легко выделяемый корень в любом арабском слове легко дробится, "разрывается" внутренней флексией и грамматическими согласными. Это, согласно получившим развитие теориям знаков, свидетельствует о практически равнозначном положении чувственного (лексического) и рационального (грамматического) в языковом мышлении арабов» [Паленко, 2012, с. 47]. Неслучайно главным категоризирующим началом в его творчестве становится понятие *души*. «Только полностью раскрывшись в стихии языка, будучи проверенным жанром и стилем, скрупулезно рассматривающих каждый ход мысли, идеи входят в сферу души» [Паленко, 2011, с. 69].

В этом уникальность ат-Таухиди как непревзойденного стилиста. Для такой беспрецедентной по размаху цели ему, конечно, понадобилось бы совершить небывалый эксперимент над родным языком. По форме он был выполнен им великолепно (по признанию ученых внутренней традиции). Но по содержанию, как и всякое предприятие подобного рода, оно не было лишено больших рисков для него. Читатели его трудов часто не понимали намерение автора. Ат-Таухиди некоторым образом совершил эпистемологический шаг *в обратном направлении*: вновь «разбавлял» уже формализованные понятия и некоторые термины (предназначенные для элиты) жизнью более конкретных, ярких и полных поэтических оттенков образов (предназначенных для масс). Именно поэтому (согласно его собственному признанию, изложенному в письме к судье 'Абú Сáхлу от 1010 г.) он и был вынужден *сжечь все* собственные сочинения.

Почти во всех произведениях (начиная с 963 г.) на страницах своих посланий ат-Таухиди пытается комбинировать две традиции — суфизм и классическое греческое наследие (в первую очередь, вульгарный неоплатонизм, стоицизм и перипатетизм). Исключением не явилось и данное «Послание» (999 г.).

На первый взгляд «Послание о жизни» напоминает традицию деления жизни на *седмицы*. Ат-Таухиди предпосылает свою классификацию следующим указанием. «Каждый из живущих один за другим восходит по этим восьми² видам». Однако тут же кроется и принципиальное различие. Это восхождение происходит согласно заслугам в ином мире и отстраненности от мира бренного.

Первая традиция, известная нам из трудов древнегреческого философа и законодателя Солона (640–559), автора стихотворения «Седмицы человеческой жизни», делившего весь земной путь человека на периоды по семь лет

² Почему именно восьми из десяти, см. ниже в предисловии.

(всего их было десять), исходя из представлений о сакральности этого числа, уходящих корнями еще в шумеро-аккадскую культуру, четко соотносится с хронологическими рамками жизненного пути и «гарантировано» каждому (в зависимости от возраста).

Второе же учение есть *желаемое* восхождение каждого индивида по духовой вертикали, может быть, даже в рамках нескольких жизней... Следует заметить, что ориентация на классическое наследие в интеллектуальных центрах Халифата, начиная с Ма'мунa (786–833), могла предполагать проникновение идей *метемпсихоза* в мировосприятие таких авторов, как ат-Таухиди. Косвенным доказательством тому может служить отраженное здесь понимание бессмертия. Оно представляется Абу Хаййану как *общее* по отношению к жизни понятие. «Бессмертие — более отвлеченное и общее понятие, нежели жизнь», — рассуждает он³.

Данное сочинение, с одной стороны — попытка подняться в вечное царство разума, определяемого Единым, с другой стороны — оно невозможно без *божественной милости и провидения*. Главная содержательная часть «Послания» следует после введения (в котором автор просит Всевышнего о помощи). В ней ат-Таухиди говорит о классификации типов жизни. Всего он выделяет десять различных видов, два из которых (Жизнь Первого и Второго совершенства) представляют собой некоторые интегрирующие этапы, которые являются итогом, или суммой всех предыдущих, где сумма, как определяет мыслитель, качественно превышает все входящие в нее составляющие.

На первый взгляд, названия типов жизни (в небольшой по объему главной части, которая совокупно не превышает трети всего объема) кажутся странными: 1) Жизнь движения; 2) знания; 3) полезного труда; 4) веры и успокоения; 5) возвышенных манер; 6) Первого совершенства; 7) представлений; 8) Второго совершенства;⁴ 9) ангелов; 10) «Бог [есть] живой».

Однако, если хорошо присмотреться к классификации первых двух видов, то можно заметить, что они соотносятся с разделением типов душ у Аристотеля, а именно *животной* и *разумной* (помимо первой *вегетативной*, которая в произведении в явной форме упоминается в повествовании о свойствах Второй жизни). Третья жизнь передает идею *энтелехии* того же Аристотеля. Четвертая и пятая жизни уже являются теми элементами, которые не входят в общую канву того мировоззрения, только что нами обнаруженного, а именно классического античного наследия. Здесь философ вводит элементы авраамистических религий. Он полагает, что вера, совершенствование манер, управление поведением по особым правилам в конечном счете принесут желаемый покой. И здесь как раз, по ат-Таухиди, кроется секрет получения души ее Первого совершенства.

Далее, видимо, в результате знакомства с имеющимися тогда переводами или соответствующими учителями (об этом может свидетельствовать широкий круг интеллектуальных связей) автор идет к пластам, связанным с мифологическими представлениями более ранних и даже доисторических эпох.

³ См.: Жизнь седьмая.

⁴ О видах 6 и 8 говорилось в предыдущем абзаце.

Седьмая жизнь, которая называется им как Жизнь представления, отсылает нас к индийской философии с ее иллюзорным наблюдаемым миром, называемым энергией *майа*. Тот, кто постигает эту истину, достоин уже познать и Жизнь восьмую, жизнь Воздаяния. Здесь в еще более явной форме обнаруживает себя тот намеченный раскол между двумя традициями: античной и новой религиозной онтологией, о которой было сказано в связи с предыдущими Четвертой и Пятой жизнями. Это заметно в том, как на уровне этой жизни обещания загробного воздаяния перемежаются с сомнениями о существовании того, о чем в них говорится. Идеи рая и ада обсуждаются ат-Таухиди параллельно (при помощи цитируемых им древнегреческих мудрецов) с идеями, напоминающими Элизиум. А доля попадавших туда, как известно, была куда более скромной по сравнению с гарантированными выше состояниями, или *мирами* авраамической традиции.

Две последние жизни, Жизнь ангелов и «Бог [есть] живой» должны отсылать читателя по уже наметившейся логике построения этой части к еще более ранним периодам мифологического прошлого. Так, за Девятой жизнью ангелов просматриваются пеласгские (догреческие) сказания о сотворении мира, когда «духи витали над водой». На это главным образом указывает то обстоятельство, что ат-Таухиди явно предостерегает от попыток рассуждать на эту тему, ибо то представляется совершенно невозможным при помощи языка. Если бы этот уровень был связан с религиозным вдохновением, то ат-Таухиди не воздерживался бы от повествования о них, ибо имеющееся откровение предписывает распространение знаний об иной жизни (*гайб*).

Последний (десятый) уровень — также есть тайное знание. Параллелью к нему может быть надпись на храме Аполлона в Дельфах (см.: «О [букве] Е в Дельфах» Плутарха). Последний среди многочисленных толкований однозначно придерживается такого, согласно которому *эпсилон* и есть сокращенный ответ на императив «познай себя» — Ты *есть* живой.

Далее следует вторая композиционная часть, которая (вместе с введением) составляет ок. 2/3 всего текста (характерная черта литературы зрелого *адаба*).

В ней ат-Таухиди приводит мнения знаменитых современников и предшественников, которые так или иначе могли бы коррелировать с главной частью. Так, с каждой из десяти жизней можно было бы соотнести все из приводимых автором мнений, ставших крылатыми изречениями и цитатами⁵. Эта

⁵ С содержанием Первой жизни соотносятся мнения З. б. Рифаи (3-е мнение, далее порядковый номер будет соответствовать цифре), Софокла (5), Платона (5), некоего «мудрого» поэта (23). Второй жизни — Сократа (2), Сиджистани (4), Пифагора (9), снова Пифагора (но 14-е изречение). Третьей — Гомера (1), Демокрита (8), Сиджистани (22), вновь Сиджистани (но 24-е цитирование). Четвертая жизнь по содержанию соответствует тому, о чем говорил Диофант Александрийский. Пятая — Саймари (16), И. б. Зура (17), Андалуси (19). Шестая жизнь по причине того, что она есть, как уже было сказано, некий рубеж и сумма всех предыдущих уровней, не имеет каких-либо определенных соответствий из второй части произведения. В то же время, поскольку она интегральна, к ней можно причислить все, что шло раньше. Но как отдельный уровень автором он не выделяется. О Седьмой жизни в той или иной форме говорили приводимые ат-Таухиди Платон (6), Хаммар (18), Сиджистани (25). Жизнь восьмая,

особенность также призвана объяснить суть каждой из обсуждаемых жизней. Думаю, что адекватно понять и объяснить их можно, только прочитав этот труд через призму усвоения и адаптации автором античного наследия в родной языковой среде.

Так, из структуры обеих частей мы видим, что в почти предпоследнем своем произведении позднего, «суфийского» периода (после него будут только «Приобретенные знания» того же 999 г. и «Божественные указания» — 1010 г.) ат-Таухиди все же убеждается в онтологической прочности той структуры, которую воздвигли древние греки, но в силу неутешительного учения о загробной жизни, некоторой нестрогости в области морали, *относительной* ценности человеческой жизни он «разбавляет» эту конструкцию религиозной составляющей (Пятая, Шестая и Восьмая жизни). О том, что он представлял мир по классическим образцам, говорят главным образом два обстоятельства. Первое — это то, что пятнадцатью годами ранее, когда он создавал свой главный труд — «Книгу улады и развлечения» (984 г.), ат-Таухиди однозначно пытался подчинить греческую мысль новому религиозному мировоззрению. В настоящем же «Послании» сама структура и состав приводимых им мнений, да и вообще весь пафос книги говорят об обратном. Второе обстоятельство — сам ат-Таухиди во всех своих трудах *всегда* оставался явным сторонником вульгарного неоплатонизма.

Но заканчивает он «Послание» все же как истинно верующий. Здесь и кроется итог всего его творческого и жизненного пути. В итоговом произведении *«писатель среди философов и философ среди писателей»* не может до конца принять античную мысль с ее гипертрофированным элементом личной ответственности и к тому же неясными перспективами в загробной жизни. Скрасить хоть как-то столь мрачную, но интеллектуально выверенную картину были призваны явно «вмонтированные» в общую канву главы (уровни) и цитаты, образно повествующие об обещанной жизни (чего первоначально не было у греков).

Итак, «Послание о жизни» можно считать итоговым произведением писателя, который не дает каких-либо готовых выводов и не навязывает каких-либо догм. Само по себе оно построено как редкий образец суфийского послания на основе греческой мысли (вульгарного неоплатонизма и стоицизма). Также неутешительным для писателя, да и любого мыслителя вообще, может быть пример того, как не всегда удачно удается доводить элитарные знания (философию, науку) до широких масс в ограниченное, да еще и очень нестабильное время. Другими словами, сам по себе конфликт образности и науки может

или Жизнь Второго совершенства, по причине того, что здесь автором приводится скептическая нотка по поводу жизни вечной, не лишена конкретных параллелей в части цитируемых авторитетов. Так, ей (Восьмой жизни) можно было бы вполне сопоставить мнения Никомаха (отца Аристотеля) (11), некоего отшельника (суфия. — М. П.), самого ат-Таухиди (12), Анаксагора (13), вновь самого автора послания — Абу Хаййана (20), снова Сиджистани (но с 26-м мнением), Рази (27). О двух последних (Девятой и Десятой) в силу их непостижимости автор не приводит никаких мнений. С Девятой жизнью можно было бы сопоставить 12-е мнение его самого, которое мы видели уже в Восьмом уровне. Так, во второй, большей по содержанию части, представлено 27 мнений, в числе которых три принадлежат самому ат-Таухиди.

говорить об ограниченности всего проекта *áдаб*, «эмблемой» которого был ат-Таухиди. Он посвятил ему все жизненные и духовные силы. То обстоятельство, что итоговое произведение «второго Джáхиза» написано им очень сжато и с преимущественным наполнением его мнениями античных авторов или их последователей на Востоке, дает повод думать о том, что вера в его пользу была, по крайней мере, поколеблена.

Для контекстуализации данного послания в Аббасидскую эпоху после 945 г. (завоевания Багдада Буидами и начала дезинтеграции Халифата) имеет смысл определить его место на фоне персидской литературы и литературы Междуречья, которые начали приобретать свои собственные черты и оказались ему наиболее близкими. Несмотря на политическую раздробленность, словесное творчество продолжало быть космополитичным. Поэт 'Абú ал-Фáдл ал-Марúзи (ум. 945?), те же 'Абú ал-Фáдл б. ал-'Амýд (ум. 970) и Ас-Сáхиб б. 'Аббáд (ум. 995), у которых служил ат-Таухиди, были приверженцами культурного синтеза и взаимообогащения. К этому же времени относится зарождение жанра новелл, *макам*, которые изначально брались его известным автором ал-Хамазáни (ум. 1008) непосредственно из жизни беседовавших с ним жителей многочисленных деревень и городов, где он бывал во время своих странствий. Именно по этой причине данную эпоху называют «Золотым веком» арабо-мусульманской культуры. Классическое наследие, философия, переводческая деятельность, обращение к стихии народной жизни — все давало свои плоды. Заложил основы для бурного развития культуры рационалист, знаток философии и первый литературный критик ал-Джáхиз (ум. 868), ат-Таухиди, называя себя его учеником, достойно перенял эстафету. Вершинами той эпохи становятся уже такие непревзойденные личности, как Мискавейх (ум. 1030), Ибн Сина (ум. 1037), ал-Бируни (ум. 1048). Пример последнего также интересен тем, что, будучи поборником всего персидского, предпочтение в форме выражения этот философ всегда отдавал арабскому языку.

Что отличает творчество ат-Таухиди от всех остальных? Он старается приблизиться к предельным уровням двух начал современной ему культуры: основам арабского словотворчества и греческой формальной мысли. Его наследие привлекает все большее внимание, так как ему в какой-то мере все-таки удалось перенести многие серьезные идеи из таких областей, как право, грамматика, риторика, философия, теология и мистицизм, на почву обыденной жизни того времени в самой изысканной и, что самое главное, близкой арабскому языковому чутью форме. Однако никакого систематического развития его старания получить не могли.

Как свое итоговое убеждение автор передает идею существования уровней в познании и расширяет план трансцендентного. Будучи заимствованным, такое знание, может быть, и ограничено, но наилучшим образом могло войти в литературную сокровищницу арабов после его «обработки» Абу Хаййаном. В нем он прибегает к своему излюбленному стилю, но в то же время в сжатой и лаконичной форме обязан передать то, что уже должно было быть формализовано, и войти в основания научного взгляда на мир. Выбор делается в пользу образного восприятия абстрактных идей, поскольку ат-Таухиди преследовал две большие и актуальные на тот момент цели. Первая — составле-

ние практически энциклопедического свода всех имевшихся в то время знаний и учений. Вторая — быстрое ознакомление с ними класса молодых чиновников дробящегося Халифата.

Главный вывод, который можно извлечь из «Послания», со всей очевидностью заключается в том, что фундаментирующая основа классической культуры еще не потеряна, но уже очень сложно воспроизводима в массовом сознании. Автор своим самоотверженным примером ставит перед каждым из тех, кто когда-либо будет его читать, вопрос о его личном отношении к высокому наследию, уровню его личного соответствия ему и, опять же, насколько каждый из держащих в руках его манускрипт (перевод) решит дилемму между образностью и формализацией. Последняя дилемма так и не была решена в высочайшем достижении античной мысли — неоплатонизме, который все равно, как известно, вернулся к мифу с его вечными образами. Текст «Послания» дает ценный материал для понимания интеллектуальной и творческой атмосферы того времени, настроений проарабски ориентированных энциклопедистов и суфиев, иллюстрирует уникальные и до сих пор функционирующие механизмы порождения образов и логических ходов в арабской языковой культуре.

Перевод осуществлен по изданиям 1951 и 2001 гг. Из переводов на другие европейские языки автору данного перевода известен лишь франкоязычный труд Клод Одебёр (Claude Audebert), опубликованный ею в 1963 г. в Институте арабских исследований в Дамаске [*Из посланий...*, 2001, с. 188].

Абу Хаййан ат-Таухиди

ПОСЛАНИЕ О ЖИЗНИ

Часть 1

С именем Бога, Милостивого и Милосердного.

***Достаточно мне Бога, Он — прекрасный доверенный!*⁶**

Господи, заверши [задуманное] добром!

[Введение]⁷

Слава Богу, пусть молитва его и мир будут с Его посланником! Господь, направь помыслы наши на небесное и земное царства твои и на то, что находится между ними. Пусть [после этого] они вернуться к нам, [обогащенные] знанием о Тебе. Сделай наши поиски тайн мудрости Твоей движущей силой к истинному разумению Твоей единовозможности (*тавхíда*, единобожия). Пусть усвоение явного и скрытого знания о Тебе выведет нас к прочному уверованию в Тебя. Пусть отстранение от всего, что отдаляет нас от Тебя, будет вести нас в пространство радостной беседы с Тобой при помощи *зикра*. Пусть такое отстранение будет нашим оправданием [от сопричастности] с несведущими

⁶ Сура 3. Семейство Имрана: 173, перевод И. Ю. Крачковского. Ат-Таухиди, приводя данный *аят*, меняет *حسبنا* (достаточно нам) на *حسبي* (достаточно мне).

⁷ Разделяющие части текста заголовки в квадратных скобках здесь и далее приводятся по: [*Из посланий...*, 2001]. В [Таухиди, 1951] они отсутствуют.

и заблудшими рабами Твоими. Да послужит оно нам связующим звеном с [тайной] подчинения Тебе и [надеждой] на Твою радость. Несмотря на то, что Ты предустановил для нас, да будем мы пользоваться Твоей исключительной поддержкой. И щедрое удовлетворение стремлений пусть будет касаться многих из нас. [Услада] от радости Твоей да будет наполнять наши сердца. Пусть духом нашим будет руководить страсть, ведущая к Тебе. Сделай наши языки пылкими в минуты мольбы и поклонения Тебе. Очисти сердца наши от сомнений и неясности, когда мы просим более близкого предстояния перед Тобой. Удостой нас лицецерения истины в ее восхитительной и блистающей начальной [красоте], дабы стало возможным приобщение к ней в состоянии полной веры. Также проясни неприглядную видимость небытия, дабы отдалиться от нее в неприятии. Во всем будь нам помощником, как в большом, так и в малом. Будь над нами наблюдателем. Убереги от смущения и грусти. Наполни наши сердца светом, который, если кто и был им [52]⁸ освещен, то узрел нечто, что есть ниже него, и стал остерегаться сего, а также узрел то, что выше этого света, и стал стремиться к нему. Он также стал видеть то, что справа, и стал тянуться к нему, увидел то, что слева, и уберегся его. Что было впереди, этого он стал ожидать. Что же было позади, то это он презрел. Укрась наши [помыслы таким] девизом, чтобы обращались и зывали мы только к Тебе, чтобы вся наша похвала была только во имя Твое. Не будем изнурять себя, кроме как во благо Твое. Не поклонимся и не подчинимся, кроме как перед ликом Твоим. О Высший и Щедрейший, о Повелитель хода [бренных] дней, идущих то хорошо, то не так, как мы того ожидаем.

Зашла как-то *(да продлит Господь дни твои и охладит пыл разума твоего)* беседа о ясном различении видов жизни, которая дорога душе любого человека и желаемая тем, кто обладает чувствами. Иногда обсуждение приобретало черты ожесточенного спора, а иногда — мягкой беседы. Бывало, зажигало участников, а бывало, наоборот — охлаждало [их пыл]. Никак такая беседа не складывалась [в единый поток]. Происходило это по причине того, что эта тема чрезмерно многогранна. Некоторые ее стороны записаны и стали достоянием науки, [но она все время] дополняется устными обсуждениями. [Иной] причиной тому является то, что притупилась бывшая острота [ума моего], да и возраст уже не тот. Былая слава уже не сопутствует нам, состояние совсем не то, что было. Природные силы угасли, ослабла врожденная натура, [исчезла] здоровая смуглость. Кожа выдает болезни ума. Пределы изрекаемого [языком] не достигают сокровенных истин. И потом я был удостоен слышать нечто из этого в <...>⁹ в благочестивой беседе у некоторых вельмож. И вел тот разговор человек, которому Бог даровал опыт в этом. А также наделил правильным выражением. Он знал, что полезно ему, а что нет. [Так,] сократил он время в предпочтении доброго в начале и избегании вредного впоследствии. И все это [в потоке] непрекращающихся дел, отвлекающих и утруждающих ум. Однако Бог взял его за руку и помог в несении их [тяжести]. Когда же он осознал это, то весьма удивился. А когда удивился, то непременно был побужден к составлению сего в [единую]

⁸ Так будут обозначаться номера страниц по: [Таухиди, 1951].

⁹ Данным образом будут обозначаться лакуны по: [Таухиди, 1951] и [Из посланий..., 2001].

книгу. Удостоился он лучших слов, и было обещано ему за то лучшее вознаграждение. Отказаться от этого побуждения у него уже не оставалось причин, да и от радости, которую обещала ему эта тема, он не был [совсем] ослеплен. И сказал [он себе]: в [53] распространении мудрости — вознаграждение душевных [сил]. Будет то постоянно упоминаться и принесет вечную славу. В том есть непреходящая радость. [Он рассудил:] если в том нет ничего, кроме наслаждения и новых открытий, то и усталости в этом не будет. Конечно, не нужно злоупотреблять, но и сидеть без того, чтобы тем заниматься, нет смысла. Вот то, что сказал тот господин, являющий собой пример благоразумия и ясного различения. В его распоряжении уже были ясные аргументы без каких-либо сомнений. Но куда подевался [мой] внимательный ум? Ясное уразумение? Точный язык? Мои помощники и друзья? Где внимающий ученик и последователь? Откуда у меня гарантия того, что передам я это без ошибок? И передам с тем смыслом, который вкладывался в самом начале?

[Далее.] Сказал божественный Сократ: «Радуйся более тому, что не изрек что-нибудь с ошибкой, нежели тому, что что-то произнес истинно». Эти слова дорого стоят, [так как] предупреждают говорящего, когда стоит что-либо говорить, а когда стоит промолчать. Знание такого рода есть плод долгих размышлений. Оно приносит [с собой] истину, направляет на благоразумие. Увы, сгустились тучи на небосводе науки, потемнело в воздухе ясного различения. Надломлен [зү-] *ал-фиқър*¹⁰, меч веры. Расшатался стержень молодого поколения. Мало стало тех, кто мог бы помочь распространению знания (*адаб*). Храм добра разрушен. Покровы мужества и чести износились. Источник жизни иссяк. Мать-Прародительница обесплодила. Клянусь, нет той двери, которая ведет к добру, все они заперты. Нет столпов разума, все они разрушены. Ничто не дает больше того изобилия, все запятнано. Ни один из источников мудрости не остался чистым. И это — общая беда, если и сокрушается от этого каждый сам по себе. Несчастье касается всех без исключения, даже если число обеспокоенных этим невелико. Удивительно, но никто этому даже не дивится. Взывай, больной, о помощи, все равно нет рядом врача.

Здесь я останавлиюсь. Ибо та речь текла как ручей. И не было у нее преград на [54] пути. Ничто не могло ей помешать, кроме той радости, которой Бог мог ее заменить, и иной формы, которой Он мог бы ее оснастить. Он также мог придать ей [иной] вид после испытания временем. Стержень и ответвления могли пострадать от постоянных перемен. Есть то, что могло бы повернуть [повествование] в более радостную сторону¹¹. Просим великого Бога, чтобы Он осуществил это дело, простив [нас], прежде чем зародится что-либо в сердце и [прольется] на языке. Один из древних мудрецов [Зухайр б. Джанаб ал-Калби] говорил.

*Лучше умереть, будучи молодым,
Нежели увидеть, как ведут тебя
На собрание после дневной жары.*

¹⁰ Меч пророка Мухаммада.

¹¹ В оригинале: *от этой точки, полной печали и досады.*

Он над тем властен, и Он повелитель того.

Будь здоров! Да облагодетельствует тебя Господь в полной мере! Вместе с тем, что переставил я местами, переосмыслил и исправил, я ни в коей мере не считал возможным расходиться с тем благородным другом и делать это умышленно. Не считал я дозволенным и упорствовать в том, чтобы отойти от того, что он пытался поведать. Я предпочел верно следовать тому, что он сказал. Может, это будет близко к цели или не совсем, предельно точно или нет¹². Не хотел бы я услышать его упреки, а хотел бы завоевать его расположение. Дабы лицо мое перед ним было более светлым и ясным, дабы все верное и правильное было принято, а ошибка — сносной.

Еще раз скажу: повествуя о видах жизни во всем объеме моих знаний, я добавлю ко всему несколько высоких пассажей [от себя]. Да будет то сделано *в знакомых выражениях* (курсив мой. — М. П.). То более подобает этому посланию и в данном случае [вполне] уместно. В этом кроется большая польза: устранить неестественность и [таким образом] быть ближе к цели. Прийти к желаемому результату можно более короткими путями, если того пожелает Всевышний.

[Виды жизни]

Видов жизни — десять. Восемь из них — это те, которыми живут люди, какими бы они ни были, как мы это и проясним далее. А две [оставшиеся] из них — это те, наука о которых затрудняется [55] сказать что-либо определенное, а дает лишь общее представление. Суть таковых очень неясная, и ее можно только принимать на веру. Первый вид — это жизнь чувств и движения. Второй называют жизнью науки и здравого разума. Третий называется жизнью работы и труда. Четвертый — жизнь благонравия и покоя. Пятый — жизнь веры и тишины. Шестой вид — это жизнь Первого совершенства. Седьмой — жизнь полагания и представлений, также он называется жизнью поминовения, *зикром*. Восьмой вид — жизнь Второго совершенства, она же Принятие¹³ вечного воздаяния (*ақиба*).

Каждый из живущих один за другим восходит по этим восьми видам согласно достигнутым ими целям в горнем мире и тому грузу, который они приобрели в бренном. Также на это влияют заранее определенные Богом способности. Это определяется совершенством человеческой природы и собственными каждому устремлениями. Что же касается последних двух видов (9 и 10. — М. П.), то один из них это Жизнь Ангелов, а последний — то его называют: Бог, Всемогущий, Великий, Живой. Об этих двух [последних] видах невозможно что-то написать из-за непостижимости их сути и невозможности ума ее осознать. Не может и воображение себе их [вполне] представить и передать. [Поэтому] мы скажем...

¹² В оригинале: *точно в средней степени*.

¹³ В оригинале: *любовь*.

[Жизнь чувственных ощущений и движения]

Первая жизнь — это та жизнь, в которой человек чувствует и движется. В ней он получает наслаждения и блага, в ней же он жалуется и испытывает боль. Она является общей. Что я имею в виду? Все разнообразие животных (как-то: лошадь или осел, свинья или обезьяна и др.) живут этой жизнью. Она основана на чувственном восприятии (*хисс*) и движении, добывании еды и стремлении к выживанию. В ней всякий приходит к разложению. В таковой он стремится воспроизводить ее бранные подобию. Все в этой жизни подобно в этом свойстве [56]. Нет в ней различий между [вышеперечисленными] видами [животных]. По натуре своей все они являются его носителями. Поэтому нельзя сказать: это существо более живо (сравн. *'āḥyā*), нежели иное. Однако можно сказать: Зайд более застенчив (сравн. *'āḥyā*, но от другого корня. — М. П.)¹⁴, чем *'Āmr*. Наверное, допустимо сказать: это животное *более живуче*, чем то. Имеется в виду, что жизнь его является более продолжительной. Что же до души этой жизни, то она по роду, виду и каждому конкретному представителю ее — одна и та же. Очевидно, что первая разновидность [жизни] — общая для остальных [жизней] и по [определенному] разумению является основой для них. Она как корень, из которого развивается все остальное.

[Жизнь познания и уразумения]

Вторая жизнь — жизнь науки и знания, понимания и ведения, памяти и умственного чутья, мудрости¹⁵ и поиска, умозаключения, вопрошания и ответа. Такой вид жизни полезен тем, что имеет божественную поддержку. В нем большую долю занимает человеческий выбор (воля. — М. П.). [Это уже предполагает] доброе намерение, неугасающее стремление, душевную любовь, кротость духа, тонкий темперамент.

Первая жизнь замешана на природном начале и естестве. Ее идея — натурное начало. Поэтому она и является общим началом для всех [видов жизней]. Эта [вторая] жизнь ведет своего последователя к осуществлению надежд и совершенству. Уровень превосходства в ней может определяться удачей, осведомленностью, манерой поведения и решимостью. Если же случится, что в ней будет чего-то не хватать, то и ее последователь уподобится разнообразным животным, о которых мы сказали выше. Если же он поднялся в ней к ее общности, сути, природе, форме и душе и если продолжил брать полезные свойства, приобретая достоверные знания, то уподобится ангелам, простота которых [57]превышает составное, телесность растворена духовной сущностью, грубость преодолена легкостью. Поэтому если говорят: знающий более живой(сравн. *'āḥyā*)¹⁶, чем лодырь, то есть более наполнен жизнью именно

¹⁴ Игра слов, которая при переводе уже теряет смысл. Имеется в виду, что слова живой и застенчивый схожи по составу корня, а в компаративе пишутся и звучат одинаково. Здесь автор пытается отделить коннотации слова застенчивый от слова живой.

¹⁵ На полях рукописи следует уточнение: *жизнь здравого смысла для умозрительных рассуждений* [Таухиди, 1951].

¹⁶ См. прим. 14, учитывая, что слово *живой* (в силу изложенной концепции) уже приобретает степени сравнения.

этого вида, о которой мы [только что] говорили, то не будет то высказывание противным [разуму] и далеким [от истины].

[Жизнь труда и созидания]

Третья жизнь — жизнь полезного труда. В ней ты поднимаешь и кладешь, берешь и отдаешь. Она наполнена дружбой, привязанностью, заботой и кротостью. В ней имеешь хорошую славу и правдивое слово. Она, если накладывается на два первых вида, делает человека более совершенным, увеличивает его ценность, поднимает уровень. Она способствует приобретению им вечной славы, непоколебимой силы. Она будто облачает его в одеяния вечности и ведет в объятия счастья, сподобливает обществом ангелов.

[Жизнь веры и спокойствия духа]

Четвертая жизнь — это жизнь веры и покоя. В ней ее адепт получает добродетельного и вечного миров, ибо одеяния веры чисты. «Кувшин» ее стоит на высоком месте¹⁷. Воздаяние питает надежды. Тайная мысль ее проявляется. Явленность радует и удовлетворяет. Приверженность вере восполняет недостающее, совершенствуется ум. Врачуемый спасается, и больной¹⁸ исцеляется. Склонный к падению направляется на верный путь. Слепой прозревает. Заблудший находит дорогу. Хромой выпрямляется. [При ней] познается исключительная красота, сокровенное становится явным. Прославление веры бесконечно. Нет здесь предела, на котором можно было бы остановиться, и границы, которой можно ограничиться. Посему примите наше извинение в указании лишь на саму идею таковой после намерения ее объяснить.

[Жизнь этических норм и врожденных качеств]

Пятая жизнь — это жизнь достохвальных качеств. Те, кто воспитал их в себе и сам стал их примером, отвергнул все дурное и примерил на себе только лучшее, жизнь их и тех, кто рядом с ними, станет приятнее [58]. Душа и помыслы очистятся от скверны. Устремления станут правильными во всяком желаемом и противном¹⁹. [Посмотрите, как] мы вывели добродетели из веры, покоя и полезного труда. Качества эти зависят от природных задатков. Сравните, как звучат эти два слова²⁰. Такие качества делятся на две части: те, которые полностью или частично устраняются при помощи тренировки (отрицательные. — М. П.), и те, что служат идеей духовной сущности (положительные. — М. П.). От последних не пытаются избавиться или очиститься. Первые, да и последующие мудрецы оставили целые сборники, посвященные манерам и нормам поведения. В них они перечислили их виды и составили их описания,

¹⁷ Смысл заключается в народной коннотации слова «кувшин». Иногда после ухода ненавистного гостя говорят: разбили после него кувшин. Здесь же данный символический сосуд находится на высоком, почетном месте и не подвержен влиянию мирских страстей.

¹⁸ В оригинале: собирает. 'алй́л («больные»).

¹⁹ В оригинале: *сладком и горьком*.

²⁰ *Халк* и *ху́лук* (то есть природные «качества» и «манеры» соответственно).

определили границы и проявления, общие и отдельные свойства. Указали на восхваляемые и порицаемые, учили придерживаться только лучших и избавиться от грубейших. Привели примеры и добавили нечто от себя. По этой причине полагаю достаточным ограничиться лишь общим указанием на них, без подробного повествования о манерах и врожденных качествах. Если бы мы занялись здесь подробным описанием манер, то нам пришлось бы объяснить их в [жизни] религии и [жизни] труда и во всём, о чем шла речь выше.

[Жизнь Первого совершенства]

Шестая жизнь — это та, которая включает в себе все предыдущие жизни [жизнь Первого совершенства]. Так как мы указали на каждую предыдущую жизнь лишь упоминанием о ней и дали ее [краткое] описание, то здесь мы должны будем сказать о новом виде жизни совершенно по-иному, ибо когда нечто складывается в сумму, то уже не равно просто набору входящих в него элементов. И наоборот, идея расчлененных элементов представляет собой нечто иное, нежели их сопряжение в единое целое. Это очевидно и не требует доказательств. Тот, кто смог добиться такой жизни, повысил свою значимость, завоевав себе более достойное место, и достиг предела спасения.

Список литературы / References

1. Зухайр б. Джанаб ал-Калби. Электронный ресурс: URL: <https://almerja.com/reading.php?i=0&ida=575&id=556&idm=19739> (дата обращения: 25.10.2024) [Zuhair b. Janab al-Kal'bi. Available from: <https://almerja.com/reading.php?i=0&ida=575&id=556&idm=19739> (accessed: 25.10.2024) (in Arabic)].
2. Из посланий Абу Хаййана ат-Таухиди. Подготовка, введение и комментарии И. С. Ахмад. Дамаск: Министерство культуры САР, 2001 [Selected from Abu Hayyan al-Tawhidi's treatises. Ed., comment., introd. by I. S. Ahmad. Damascus: Ministry of culture of the Arabic Republic of Syria, 2001 (in Arabic)].
3. Паленко М. С. Значение семантической категории «душа» в этико-научном трактате «Вопросы и ответы» Абу Хаййана ат-Таухиди и Абу Али Мискавейха. Вестник РУДН. Серия: Философия. 2012. № 3. С. 47–51 [Palenko M. S. The significance of the semantic category of “soul” in the ethic and scientific treatise “The Questions and the Answers” by Abu Hayyan al-Tawhidi and Abu Ali Miskaweih. Vestnik RUDN. Serija: Filosofija (Bulletin of the RUDN University). 2012;3:47–51 (in Russian)].
4. Паленко М. С. Место «Книги услады и развлечения» ат-Таухиди в философской литературе арабского Средневековья. Вестник РУДН. Серия: Философия. 2011. № 2. С. 68–77 [Palenko M. S. The place of the “Enjoyment and conviviality” treatise [by Abu Hayyan al-Tawhidi] in the philosophy fiction of the Medieval Arab East. Vestnik RUDN. Serija: Filosofija (Bulletin of the RUDN University). 2011;2:68–77 (in Russian)].
5. Таухиди А. Три послания. Подготовка, комментарии и издание И. Килани. Дамаск: Французский институт арабских исследований. Дамаск, 1951 (на араб. яз.) [Al-Tawhidi A. The Three Epistles. Ed., comment., introd. by I. al-Kilani. Damascus: French Institute of the Arabic studies, 1951 (in Arabic)].

Информация об авторе

Паленко Михаил Сергеевич — кандидат философских наук, преподаватель кафедры арабского языка и литературы, Академический колледж «Ахва», Шикмим, Израиль, m-pal@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0002-5593-0024>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 19.01.2025; одобрена рецензентами 06.02.2025; принята к публикации 14.03.2025; опубликована 20.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Mikhail S. Palenko — PhD (Philosophy), Lecturer at the Arabic language and literature Department, Achva Academic College, MP. Shikmim, Israel; m-pal@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0002-5593-0024>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 06.02.2025; accepted for publication 14.03.2025; published 20.06.2025.

The author has read and approved the final manuscript.